

Е. С. Генина

**ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ
В СЕРЕДИНЕ 1940-х – НАЧАЛЕ 1950-х ГОДОВ
(ПО МАТЕРИАЛАМ КЕМЕРОВСКОЙ ОБЛАСТИ)**

В середине 1940-х – начале 1950-х годов в СССР проводился новый государственно-религиозный курс. Власть допустила открытие церквей, но установила строгий контроль над их деятельностью. В регионах страны существовал институт уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР. В начале 1950-х годов в Кемеровской области было зарегистрировано 15 церквей и молитвенных домов.

Ключевые слова: государство, церковь, Совет по делам Русской православной церкви, уполномоченный Совета, Кемеровская область, облисполком, священник, верующие.

E. S. Genina

**STATE AND RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
IN THE MIDDLE OF 1940TH – EARLY 1950TH (ON THE MATERIALS
OF THE KEMEROVO REGION)**

In the middle of 1940th – early 1950th the USSR held a new state-religious line. The authority let churches open but took close control of their activity. In the country regions there was the institution of representatives of Russian Orthodox Church Council under the USSR Government. At the beginning of 1950th 15 churches and preaching houses were registered in the Kemerovo Region.

Key words: state, church, Russian Orthodox Church Council, a representative of the Council, the Kemerovo Region, Regional Executive Committee, priest, the faithful.

В период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов сталинский режим, сделав ставку на сплочение общества под знаменами патриотизма, проводил политику сближения с Русской православной церковью. Решающим для взаимоотношений государства и церкви стал 1943 год. В сентябре 1943 года митрополиты Сергей (Страгородский), Алексий (Симанский) и Николай (Ярушевич) были приняты И. В. Сталиным в Кремле, а затем состоялся собор епископов, избравший Патриархом Московским и Всея Руси митрополита Сергия. Составляющей нового курса явилось создание в 1943 году Совета по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР, возглавляемого полковником госбезопасности Г. Г. Карповым. В регионах страны, осуществляя координацию политики центральных и местных органов власти, действовали уполномоченные Совета.

Политику государства в отношении церкви определили принятые СНК постановления № 1095 «Об утверждении Положения о Совете по делам Русской православной церкви при Совнаркоме СССР» (от 7 октября 1943 года) и № 1325 «О порядке открытия церквей» (от 28 ноября 1943 года). Это означало возможность активизации религиозной деятельности церкви, хотя и при непосредственном контроле государства. К 1948 году в СССР насчитывалось 14 329 православных храмов. Из них в 1945–1947 годах было открыто 1 270 храмов [1, с. 46]. Характеризуя изменения в государственно-религиозном курсе, нельзя забывать о той части населения, которая продолжала оставаться верующей, несмотря на активно проводившуюся до войны антирелигиозную пропаганду. Накануне Великой Отечественной войны верующие составляли около 45 % населения страны (около двух третей населения в сельских районах и около одной трети населения в городах) [2, с. 660].

Обратимся к событиям на территории Кемеровской области, учитывая последствия ранее проводившейся антирелигиозной политики. По постановлениям Западно-Сибирского крайисполкома и Новосибирского облисполкома в 1931–1937 годах на территории Кемеровской области закрыли 40 православных церквей, в 1939–1942 годах – еще 70 церквей. Из них лишь 6 церквей закрыли в городах (Мариинск, Кемерово, Топки, Ленинск-Кузнецкий), остальные – в сельской местности. В результате на начало 1945 года в Кемеровской области не было ни одной действующей церкви. Из учтенных церковных зданий, которых насчитывалось 164, под клубы, школы и другие культурные цели использовалось 55, или 34 %; склады, мастерские и т. п. – 89, или 54 %; пустовало – 20, или 12% [3, л. 368–370, 438–441, 454].

В новых условиях государственно-религиозных отношений действовал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви при Кемеровском облисполкоме. Данная должность была учреждена в марте 1944 года. До апреля 1949 года ее занимал Ф. Узлов. В сферу контроля уполномоченного входило открытие церквей и молитвенных домов, деятельность духовенства и верующих, церковно-патриотическая работа. Представление о ежедневных занятиях Ф. Узлова позволяет составить выдержка из «Отчетного доклада о работе уполномоченного Совета при Кемеровском облисполкоме за период 1945 года и I-е полугодие 1946 года». В Совет по делам Русской православной церкви от уполномоченного поступила следующая информация: «Рабочий день заполняется приемом мирян и духовенства, разбором заявлений об открытии церквей и молитвенных домов, жалоб, перепиской по ним и наблюдением за деятельностью церкви. Выезды на места в г. Анжеро-Судженск в IV-м квартале 1945 года и в г. Осинники в I-м квартале 1946 года совершены мною в основном по заданиям обкома ВКП (б) и облисполкома и одновременно использовались для непосредственного ознакомления с условиями и возможностями открытия в этих пунктах молитвенных домов» [4, с. 77; 5, л. 20].

Подача ходатайств верующих об открытии церквей началась в Кемеровской области в 1944 году. В 1944 году и январе – феврале 1945 года ходатайства верующих поступили из 26 населенных пунктов, что еще не означало их положительного разрешения. Повышенная активность верующих «при значительности их групп» наблюдалась в городах Кемерово, Прокопьевск, Сталинск (ныне Новокузнецк), Осинники, Ленинск-Кузнецкий, в селе Кузедеево, селе Яя Анжеро-Судженского района. В апреле – мае 1945 года в регионе открылись три церкви: Никольская церковь в Кемерово, Пантелеймоновская церковь в с. Кузедеево, Покровская церковь в Ленинске-Кузнецком. Кроме того, в Совете по делам Русской православной церкви 14 июля 1944 года был зарегистрирован Покровский молитвенный дом в Прокопьевске. В 1945 года на приеме у уполномоченного Ф. Узлова побывало 112 представителей мирян и духовенства [3, л. 454; 5, л. 21; 6, л. 60].

Как уже отмечалось, не все поступавшие к уполномоченному заявления верующих об открытии молитвенных зданий получали положительное решение. За 1944–1947 годы из городов, районных центров и сел Кемеровской области поступило 55 заявлений верующих, большая часть из которых встретила отказы. Отказ со стороны местной власти мог последовать по причинам наличия близлежащей церкви, неудовлетворительного состояния церковного здания, его занятости, малочисленности верующих, подделки заявлений о регистрации [7, с. 122–123]. Так, в I квартале 1946 года уполномоченный, рассматривая заявления об открытии церквей в г. Салаире Гурьевского района и с. Усяты Прокопьевского района, оперировал фактами технической непригодности сохранившихся в населенных пунктах молитвенных зданий. По имеющимся у Ф. Узлова сведениям, Мариинский горисполком не нашел возможности освободить здание церкви, занятое Домом культуры, на которое претендовали верующие, или обеспечить их другим помещением. Все названные заявления поступили повторно, поскольку были отклонены облисполкомом в 1944 году. Подозрительными представлялись уполномоченному заявление и список верующих из с. Салтымаково Крапивинского района, где он обнаружил несколько поддельных подписей и присутствие несовершеннолетних лиц. В III квартале 1946 года Ф. Узлов снял с рассмотрения 5 заявлений из-за «наличия незначительных групп верующих, удовлетворяющих свои религиозные нужды в ближайших действующих приходах» (г. Мариинск, п. Яя Анжеро-Судженского района, п. Мундыбаш

Кузедеевского района, с. Подонино Топкинского района, с. Красный Яр Троицкого района) [5, л. 5 – 5 об., 6 – 6 об., 63].

Некоторые представители местных органов власти, руководствуясь установками времени коллективизации, когда гонения на церковь стали составляющей борьбы с кулачеством, демонстрировали открытое неприятие нового курса. Это порождало жалобы уполномоченному со стороны верующих. В с. Белогородка Мариинского района председатель сельсовета дал разрешение МТС на использование наружной тесовой обшивки церкви и ее ограды в качестве строительного материала. Узнав об этом, возмущенные верующие обратились не только к региональному уполномоченному, но и в ЦК ВКП(б). Председатель Топкинского сельсовета разрешил изготовление скамеек из половых досок церкви. Председатель колхоза «Правда» Яшкинского района принял решение об открытии в бывшей часовне ветеринарного пункта. В духе 1930-х годов действовал один из секретарей райисполкома, прямо заявивший инициаторам открытия церкви, что их всех «пересадить надо» [5, л. 27–28; 8, л. 57; 9, л. 74].

По данным на начало апреля 1951 года, в Кемеровской области было официально зарегистрировано 15 церквей и молитвенных домов. При этом все регистрации произошли на протяжении 1944–1947 годов, а позднее верующие получали лишь отказы на поступавшие к уполномоченному ходатайства. В 1950 году Кемеровский облисполком получил 16 ходатайств об открытии 8 церквей и молитвенных зданий. Четыре заявления были отклонены сразу же, остальные – в процессе рассмотрения. В 1953 году облисполком отклонил 5 поступивших заявлений без их рассмотрения. В то же время существование незарегистрированных, но действующих в регионе православных общин признавалось недопустимым. Представляется очевидным, что здесь сказался перелом в государственно-церковных отношениях, произошедший во второй половине 1948 года. С конца этого года и вплоть до смерти И. В. Сталина ни одна новая православная церковь в стране официально не была открыта. Конец 1940-х – начало 1950-х годов отличает массовая конфискация церковных зданий, их переоборудование под клубы, ликвидация нелегальных молельных домов [1, с. 46, 47; 4, с. 77, 79; 6, л. 60–61].

Наличие официальной регистрации у православных общин Кемеровской области на начало апреля 1951 года еще не означало их реальной деятельности. Из зарегистрированных Советом по делам Русской православной церкви 15 церквей и молитвенных домов беспрепятственно функционировало только 10. Это Покровский молитвенный дом в Прокопьевске (открыт в 1944 году), Никольская церковь в Кемерове (1945), Пантелеймоновская церковь в с. Кузедеево (1945), Покровская церковь в Ленинске-Кузнецком (1945), Ильинская церковь в Тайге (1946), Вознесенская церковь в Белове (1946), Вознесенская церковь в с. Верхотомка Кемеровского района (1946), Петропавловская церковь в с. Афонино Киселевского района (1946), Ильинская церковь в Осинниках (1946), Знаменская церковь в Кемерове (1947).

Сложной оказалась судьба остальных пяти церквей. Троицкая церковь в Гурьевске (1945) была закрыта горисполкомом в 1949 году «по причинам ветхости и плохого противопожарного состояния». По сведениям на 1951 году, органы власти решали вопрос о будущем Петропавловской церкви в Анжеро-Судженске (1945), под зданием которой находился выработанный шахтой угольный пласт. Строительство же нового здания церкви было «произведено с нарушением советского законодательства». По решению Молотовского райисполкома Сталинска, впоследствии признанному незаконным, в городе закрыли

Никольскую церковь (1946). В 1951 году Кемеровский облисполком дал распоряжение об открытии этой церкви. Никольская церковь в Топках (1947) не функционировала с апреля 1950 года по январь 1951 года. Данное решение вынес горсовет «по причине ветхости помещения». В 1951 году облисполком отменил последнее решение как незаконное и разрешил верующим отремонтировать молитвенный дом. Церковь, расположенная в Старокузнецком районе Сталинска (1947), занимала помещение, принадлежавшее артели «Металлург». Горисполком принял решение о возвращении помещения прежнему владельцу [6, л. 60–61; 10, с. 80–81].

Согласно штатному расписанию церковей Кемеровского Благочиния Новосибирской епархии на 1949 год, подписанному митрополитом Новосибирским и Барнаульским Варфоломеем, в регионе несли службу 27 священников. В Знаменской церкви (Кемерово) и Покровском молитвенном доме (Прокопьевск) числилось 3 священника, в Никольской церкви (Кемерово), Никольской церкви (Сталинск), Михаилоархангельской церкви (Сталинск), Покровской церкви (Ленинск-Кузнецкий), Вознесенской церкви (Белово), Петропавловской церкви (Анжеро-Судженск), Ильинской церкви (Осинники), Петропавловской церкви (с. Афонино Киселевского района) – 2 священника, в Ильинской церкви (Тайга), Троицкой церкви (Гурьевск), Никольской церкви (Топки), Пантелеймоновской церкви (с. Кузедеево), Вознесенской церкви (с. Верхотомка Кемеровского района) – 1 священник [11, л. 2].

Ситуация с кадрами священников характеризует положение, сложившееся в различных церковных приходах Кемеровской области. По сведениям на декабрь 1945 года, вторым священником Никольской церкви в Кемерово был зарегистрирован М. Благовидов. Сын сельского священника, он окончил духовную семинарию. Служил священником с 1914 года, а после раскулачивания с 1930 по 1945 годы занимался «счетной работой» на Урале и в Сибири. Настоятелем Троицкой церкви в Гурьевске 9 сентября 1946 года зарегистрировали священника М. И. Козина, 1882 года рождения, имевшего церковный стаж с 1926 года. Он окончил три класса церковно-приходской школы, был послушником монастыря. Органам власти было известно, что он осужден и отбывал 5-летний срок наказания на Колыме. Ранее состоял вторым священником в Вознесенской церкви в Новосибирске. Вторым священником Вознесенской церкви в Белове с 1 октября 1947 года стал В. Д. Зернов. Он родился в 1892 году в Мордовии, имел церковный стаж с 1925 года. В 1936–1945 годах отбывал наказание после осуждения по ст. 58–10 УК РСФСР, каравшей за проведение контрреволюционной пропаганды и агитации. В Кемеровскую область прибыл из Горьковской области [3, л. 207; 5, л. 63 об. – 64; 9, л. 73; 12, с. 73–74].

Важной составляющей жизни церкви до 1947 года являлась «церковно-патриотическая деятельность». Уполномоченный Ф. Узлов сообщал в Совет по делам Русской православной церкви: «Церковно-патриотическая деятельность за 1945 г. выражается в взносе в фонд обороны страны 95 000 рублей и в помощь инвалидам Отечественной войны и детям фронтовиков 10 000 рублей и 58 штук льняных полотенец и на благоустройство г. Кемерово 5 000 руб. За I-е полугодие 1946 года – в помощь детям фронтовиков 10 000 рублей и подписались на госзайм 1946 года духовенство на 25 700 рублей и приходы на 100 000 рублей». Имеются некоторые данные по отдельным церковным приходам. За первый квартал 1946 года в фонд помощи инвалидам войны Никольской церковью (Кемерово) было внесено 5 тыс. руб. и 50 полотенец, Покровским молитвенным домом (Прокопьевск) – 4 тыс. руб. и 20 полотенец. Уполномоченный был обязан следить за про-

ведением данной работы во всех церковных приходах Кемеровской области. В феврале 1947 года патриарх Алексей по указанию Совета министров СССР предписал полностью прекратить «церковно-патриотические» сборы. Компенсация поступлений в госбюджет достигалась за счет обязательной подписки духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства, усиления налогообложения [1, с. 46; 5, л. 8, 22, 27].

Государство строго контролировало финансовую сторону деятельности церкви. Доходы церковью Кемеровской области выросли с 3 186 320 руб. в 1951 году до 3 898 321 руб. в 1955 году. Денежные поступления православных церковных общин были связаны с продажей свечей (около 70 % от общего поступления денег), просфор, тарелочно-кружечным сбором. Деньги также поступали от приобретения верующими иконок, крестиков, венчиков и т. п. [13, с. 166–167, 168; 14, л. 133, 134; 15, л. 11–12]. Доход церкви выступал важным показателем ее жизни, свидетельством посещаемости церкви, увеличения числа прихожан.

Признав наличие верующих в стране и допустив открытие церковью, государственная власть строго определила для них границу дозволенного. Религиозным объединениям разрешалось иметь в госбанке расчетный счет, получать строительные материалы на ремонт зданий по государственным расценкам. Допускалось совершение крестных ходов. Разрешались похоронные шествия со священником при согласовании маршрута с милицией, допускались крещение и венчание в церкви, отпевание в церкви и на дому. Разрешалось обучение детей закону божьему на дому, но только в индивидуальном порядке. Особый момент оказался связанным с колокольным звоном. Если в 1944 году разрешалось звонить лишь в церкви, то в 1945 году было разрешено звонить на колокольне. Было получено разрешение заказывать колокола. В декабре 1945 года на областном совещании заведующих отделами пропаганды и агитации горкомов и райкомов партии Ф. Узлов сообщил: «Религиозные уже в Кемерово собрали медь и серебро, причем тащат медь с заводов, собрали около 36 пудов меди и мешок серебра. Мастерская местпрома берется отлить колокол» [9, л. 75–76].

При рассмотрении темы нельзя не коснуться вопроса об отношении власти к коммунистам и комсомольцам, соблюдавшим религиозные обряды. За 1949–1950 годы и 9 месяцев 1951 года из Кемеровской областной парторганизации за соблюдение религиозных обрядов исключили 416 человек. Число исключенных за данный проступок превысило число исключенных за морально-бытовое разложение (299 человек), пьянство (202 человека) и приблизилось к числу исключенных за утерю партийных документов (459 человек) [16, л. 20]. По данным за 1950 год и первые три месяца 1951 года, из комсомола за соблюдение религиозных обрядов исключили 11 человек. Но в сравнении с другими проступками здесь наблюдается наименьшее количество исключенных [17, л. 4]. Очевидно, молодежь, воспитанная в советское время, оказалась более подверженной влиянию установок государственной идеологии. Обращаясь к численным данным, будем учитывать, что в общее число исключенных из ВКП(б) и ВЛКСМ вошли верующие как православных, так и не православных общин.

Безусловно, что каждый из вышеназванных случаев был в подробностях известен местным органам власти. В частности, в информационном докладе в центр за второй квартал 1946 года Ф. Узлов сообщал: «Влияние церкви в отдельных случаях проникает и в среду молодых коммунистов. Например, кандидат в члены ВКП (б) тов. Шуппа Ольга Дмитриевна в г. Кемерово пригласила к себе на дом священника Никольской церкви Бла-

говидова Михаила для крещения своих двух детей. После обряда крещения о. Михаил был обильно угощен за праздничным столом. На этом “семейном торжестве” присутствовал коммунист Давыдов и другие» [5, л. 48].

В середине 1940-х – начале 1950-х годов деятельность Русской православной церкви протекала в условиях временного ослабления государственного контроля. Сталинский режим, отстаивавший собственную идеологическую монополию, стремился видеть в церкви не авторитетного конкурента, а временного контролируемого союзника. Осуществлению контроля в регионах, в том числе в Кемеровской области, способствовало существование института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при правительстве СССР. В ведении уполномоченного находились все вопросы жизнедеятельности церквей, включая первостепенный, связанный с процедурой официальной регистрации той или иной церкви. В рассматриваемое время проявилась закономерная зависимость государственно-религиозного курса от общего внутривнутриполитического «похолодания» в стране, что продемонстрировал 1948 год. Следует подчеркнуть, что в середине 1940-х – начале 1950-х годов отчетливо заявил о себе следующий факт, признанный властью. Открытие и существование православных церквей и молитвенных домов явилось свидетельством духовной жизни общества, сохранявшейся даже в условиях репрессивного сталинского режима.

Примечания

1. Шкаровский М. В. Русская православная церковь в 1943–1957 годах // Вопросы истории. – 1995. – № 8.
2. Шапиро Л. Коммунистическая партия Советского Союза / пер. с англ. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1990.
3. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 1.
4. Горбатов А. В. Восстановление православных приходов в Кузбассе (1943–1948 годы) // Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г. Т. Шалакин. – Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр»; Кемерово: Кемеровская и Новокузнецкая епархия, 2003.
5. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 6.
6. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 73.
7. Горбатов А. В. Государство и религиозные организации Сибири в 1940–1960-е годы. – Томск: Изд-во Томского государственного педагогического университета, 2008.
8. ГАКО. Ф. П-15. Оп. 7. Д. 1.
9. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 1. Д. 263.
10. Горбатов А. В. «Холодная война» в церковно-государственных отношениях (1949–53 годы) // Кемеровская и Новокузнецкая епархия Русской православной церкви / ред. Г. Т. Шалакин. – Новосибирск: АНО «МАСС-Медиа-Центр»; Кемерово: Кемеровская и Новокузнецкая епархия, 2003.
11. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 28.
12. Трайнин А., Меньшагин В., Вышинская З. Уголовный кодекс РСФСР. Комментарий / под ред. И. Т. Голякова. – 2-е изд. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1944.
13. Сосковец Л. И. Религиозные конфессии Западной Сибири в 40–60-е годы XX века. – Томск: Томский государственный университет, 2003. – Ч. 1.
14. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 5.
15. ГАКО. Ф. Р-964. Оп. 2. Д. 10.
16. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 4.
17. ГАКО. Ф. П-126. Оп. 4. Д. 187.